понималъ этихъ и множества другихъ терминовъ: подробности деревни, ремесла, земледѣлія, все, что пахнетъ жизнью, вырыто изъ земли, не можетъ не быть извѣстно); этотъ пятилѣтній паренекъ, который, „щеголяя своимъ искусствомъ говорить“, заявляетъ, что мать его „въ кобѣднѣ и дѣдушка въ кобѣднѣ“; эта старуха-мать, у которой есть обыкновеніе всякій разсказъ, веселый ли онъ или грустный, слушать съ глубокимъ сокрушеніемъ, вздыхать при этомъ и шептать слова, похожія на молитвы, и которая при видѣ того, какъ величественно и чудно выставилъ Тихонъ грудь, изображая бесѣду царя съ исправникомъ, „такъ и залилась, какъ будто услыхала самую грустную новость“; этотъ храбрый мальчикъ Гришка, который „не побоялся бы ни съ царемъ ѣхать, ни съ отцомъ, ни съ старшимъ братомъ разговаривать“. Юморъ и ласка, съ которыми о нихъ обо всѣхъ разсказано, это не знакъ превосходства, это—радостное сближеніе, любящая родственность, пріобщеніе къ міру простыхъ и первобытныхъ.

Толстой радуется на деревню. И всѣ мелочи въ ней важны, потому что она—категорія міровая. Люди—крестьяне. Какъ и у Кольцова, человѣкъ для Толстого—пахарь, и въ разсказѣ „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“ мы читаемъ, что „всѣ люди, хотя и безсознательно, любятъ земледѣльческій трудъ“.

Хорошо поэтому смотрѣть на деревенскую улицу: движется по ней, возвращаясь изъ церкви, отъ „кобѣдни“, шествіе праздничное, кортежъ крестьянъ